

УДК 271.21+27-9

**КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ НА ТЕРРИТОРИЯХ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ)**

Венедиктов В.Ю.

Автор статьи анализирует церковные конфликты второй половины 19 века между греками и болгарами. На основе источников Отдела Рукописей Российской Государственной Библиотеки и Архива Внешней Политики Российской Империи вырисовывается весьма печальная картина разъединения двух враждебных друг другу православных общин (греческой и болгарской) Константинопольского Патриархата. Церковная распря, закончившаяся схизмой 1872 года, дала благодатную почву для католического прозелитизма.

Ключевые слова: церковная история, прозелитизм, схизма, Константинопольский Патриархат, греко-болгарская церковная распря.

**CATHOLIC PROSELYTISM ON THE TERRITORIES
OF CONSTANTINOPLE PATRIARCHY
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
(THE CASE OF THE GREEK-BULGARIAN CHURCH CONTRADICTIONS)**

Venediktov V.Y.

The author of the article analyzes the church conflicts between Greeks and Bulgarians in the second half of the 19th century. We can see a very sad picture how the two antagonistic orthodox communities of Constantinople Patriarchy separate from each other. The author bases on the documents from the Russian State Library Fund of Manuscripts and Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The church conflict ended with schism of 1872 and gave stimulus for Catholic proselytism.

Keywords: church history, proselytism, schism, Constantinople Patriarchy, the Bulgarian-Greek Church conflict.

Активность Римской Церкви на Балканском полуострове наблюдалась издревле. Еще в IX-м столетии произошло столкновение территориальных интересов между Римом и Византией по устройству Церкви в новообращенной Болгарии [8, с. 4-15]. По существу, «болгарский вопрос в самом начале своего возникновения получил междуцерковный характер, как вопрос спорный между восточной и западной Церквами» [8, с. 5].

Попытки ввести на территориях болгарских земель католичество предпринимались и в годы распада Болгарии (конец XIV-го столетия). В период османского владычества все территории бывшего Болгарского Патриархата вошли в юрисдикцию Константинопольской Церкви. Для многих православных христиан альтернативой исламу стало католичество. Среди греков-католиков процесс размывания этнической идентичности шел значительно менее интенсивно, но ослабление связи с православной частью нации особенно давало о себе знать в критические моменты национальной истории. В частности, католическое население островов Эгейского моря не поддержало революцию 1821 года. Среди же православного большинства постепенно формировалось восприятие Православия как национальной религии. Все это вело к тому, что Православие в понимании греков постепенно превращалось в национальную веру, и начинало играть подчиненную роль по отношению к национальной идее, а Церковь стала рассматриваться как греческий национальный организм.

Во второй половине XIX века Вселенская Патриархия оказывается в весьма стесненном материальном положении. Поднять экономику Вселенской Патриархии за счет увеличения выдачи доходов с принадлежащих Афонских монастырям Бессарабских имений предлагали российские дипломаты. В 1895 году, при посредстве российского посла в Константинополе А.И. Нелидова, предлагалось для Патриархии ежегодное пособие в размере 5-6 тысяч лир в год [1, с. 105]. Деньги могли бы быть направлены на борьбу с католической пропагандой и прозелитизмом (греч. *προσηλυτισμός*, – стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру, стремление к

повсеместному установлению поддерживаемой религии подчас политическими и материальными средствами), а также для подготовки проповедников и наставников Константинопольской Церкви. Материальная помощь со стороны России способствовала бы сближению между Греческой и Русской Церквами, в чем заключалось условие твердости Православия на Востоке.

Ситуация особенно обострилась в семидесятые годы XIX века. «Смертельно больным человеком ("больным человеком" назвал Турцию Николай I в беседе с английским послом Сеймуром в 1853 году. Это выражение стало крылатым и широко употреблялось в русской публицистике второй половины XIX в. – *В.В.*) называли в свое время Турцию. Смертельно раненым зверем правильнее было бы назвать ее (уже к середине столетия), давно бы испутившим дух, если бы зверь не поддерживался англо-французской "камфорой". С исступлением раненого зверя набрасывалась "Блистательная Порты" на наиболее беззащитную часть своих подданных. А этой частью были православные христиане; католики и протестанты чувствовали себя гораздо спокойнее: они были защищены авторитетом и Англии и Франции. Православные могли рассчитывать только на помощь единоверного русского народа» [9, с. 24].

В условиях нестабильности мысль об унии с Римом находила себе сторонников среди болгарской и отчасти греческой интеллигенции. Как выясняется сейчас, некоторые болгарские архиереи того времени также вынашивали эту идею. Цель объединения болгар с католиками крылась в желании освободиться от власти Константинопольского патриарха и отвоевать церковно-гражданские права для болгарской народности [4, с. 80-113]. Печальный ход известной греко-болгарской церковной распри лишь способствовал этой унии.

По данным И.И. Соколова на основе источников Константинопольского патриаршего архива: «Болгары, продолжая добиваться восстановления своей народной и независимой иерархии, не остановились и пред изменой вере отцов: при энергичном содействии иезуитов, они в декабре 1860 года приняли унию с

Римом. Патриарх Иоаким, не сочувствуя соглашению болгар и греков для совместного и равномерного участия в церковном управлении на основании принципа народности, принимал, однако, меры к прекращению соблазнительной распри, а вместе и к противодействию инославной пропаганде... Народу и клиру Адрианополя тогда же было послано увещание – быть верными Православной церкви, не следовать примеру болгар, уклонившихся в унию... Увещания о подчинении Патриархии были отправлены народу и клиру Филиппополя, Видина, Ниссы и Врачи» [6, с. 583].

В 60-е годы XIX столетия в болгарской общине в Константинополе образовались две партии: «одна, перешедших в унию болгар, другая – православных, группировавшихся вокруг Авксентия, бывшего митрополита Велесского, и Иллариона Макариупольского, известного по своим качествам с наилучшей стороны самой Патриархии, но в то же время горячего болгарского патриота» [7, с. 39]. Уния некоторых болгар своими успехами обязана деятельности редактора газеты «Болгария» Драгана Цанкова, будущего главы либералов Болгарского княжества. Цанков приобрел себе тогда печальную известность желанием обратить своих соотечественников в католицизм [7, с. 41-42]. Он доказывал, «что единственный способ избавить Болгарию от фанариотского гнета заключается в единении с Римом, где к этой мысли отнеслись, конечно, чрезвычайно сочувственно» [5, с. 189].

Более того, в начале 1865 года у части представителей болгар в Константинополе (напр., доктора С. Чомакова, и др.) были, по-видимому, намерения сделать и реальную попытку к отделению болгар от Константинопольской Патриархии не только по управлению, но и по исповеданию. Для этого объявили умершего 1 февраля 1865 года борца за болгарскую церковную независимость митрополита Авксентия святым «особой Болгарской Церкви» [2, с. 43]. Мысль о создании особой болгарской общины находила сочувствие и со стороны представителей болгарской иерархии, например, со стороны того же Иллариона Макариупольского, который сочувствовал и унии, и объединению с протестантами. Кстати, подобные

мечтания о превращении Болгарской Церкви в подобие христианской секты на Балканах приходили в голову и некоторым русским деятелям. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки можно найти этому и документальное подтверждение. Так, например, уже после образования Болгарского экзархата, в 1874 году некто «Николай Андреевич Виноградов, живущий в Москве на Тверской улице в д. Андреева и называющий себя членом Комитета грамотности... написал экзарху странное письмо, советуя ему сделать реформу в Церкви и отменить почитание святых, икон и проч. и обещая ему свое содействие» [1, с.197]. Сообщение об этом курьезе было передано секретарю Московского славянского комитета Н. Попову известным болгарским публицистом Ф. Стояновым-Бурмовым под секретом.

Настрой на унию определенной части болгар совпал с необыкновенным одушевлением, в основе которого лежало стремление к национальному возрождению. Церковный вопрос был на устах всех – не только мужчин, но и женщин, даже девиц и почти детей. Это была, как говорит современник из болгар, сам переживавший описываемое состояние, какая-то «мания», какое-то массовое сумасшествие [2, с. 41]. Национальные интересы болгар стали доминировать над церковными: «народность», «българщина» были воодушевляющими началами у болгар в церковной борьбе. Категорически отказываясь и малейшим образом поступиться первыми во имя последних, болгары саму власть Патриарха признали незаконной. Встали совершенно на непримиримую с греками точку зрения. Имели место даже случаи сожжения греческого Евангелия в церкви и другие подобные проявления фанатической ненависти ко всему греческому – очевидно, в отместку за уничтожение славянских книг и других славянских памятников греками [3, с. 83]. Стали изгонять греческих владык из болгарских епархий только потому, что они греки, признавши, наконец, даже священнодействия их и совершаемые ими рукоположения недействительными. Вмешательство султана в их церковное право признали не только законным, а даже власть его признали высшим для себя авторитетом, чем власть Патриарха. В этой обстановке «церковного

беззакония» родились идеи апостасии, отступления от Православия. Правда, мысли об унии или о создании своей национальной веры оказались неприемлемыми для общего сознания болгар, желавших оставаться, в общем, все же на православной почве.

В массе простого сельского народа успехи унии были незначительны, несмотря даже на то, что католические миссионеры не скупились использовать большие денежные средства. Хорошо работали и дипломаты западных держав, убеждая население в пользу принятия католицизма. О деятельности западных дипломатов и агентов много сведений сохранилось в Архиве внешней политики Российской Империи. Так, побывавший в Битоле в октябре 1865 года французский консул из Янины высказал мнение: «Если православные смогут когда-либо освободиться от ига мусульман, – то не иначе как с помощью держав католических» [1, с. 198].

Осенью 1865 года битольская болгарская община подала в митрополию просьбу «разрешить им отправлять церковную службу на болгарском языке и, для избежания необходимости отдавать детей своих в училище католическое, позволить им открыть в Битоле болгарское училище» [1, с. 198]. Между тем, греческих училищ на октябрь 1865 года в Битоле было более восьми, а болгарских не было ни одного. Болгарское училище славянских просветителей Кирилла и Мефодия в Охриде было закрыто турецким правительством, но, начиная с 1862 года, в нем возобновили преподавание уроков. Это училище с 1-го января 1865 года получало вспомоществование от русского правительства [1, с. 198]. Отсутствие болгарских училищ вынуждало родителей отдавать детей в протестантские и католические училища.

После объявления болгарской схизмы 1872 года своими успехами католическая пропаганда была обязана, прежде всего, слепому фанатизму части высшего греческого духовенства, «предпочитающего отступничество болгар от веры отцов их – переходу в духовное ведение экзархии» [1, с. 198]. В Македонии для многих болгар переход в унию означал самое надежное средство защиты от преследований греков. Католики, в отличие от греков,

разрешали болгарам открывать школы и употреблять славянский язык при богослужениях. К началу 1883 года католики считали уже до 20 тысяч прозелитов в 60-ти деревнях Аврат-Хисарского уезда (тур. hisar – крепость).

К новообращенным у католиков были свои требования. Сначала от них просили вместо Патриарха или экзарха почитать Папу. Затем следовали указания к принявшему унию болгарскому духовенству допустить изменения, как в своей одежде, так и в некоторых обрядах. Вследствие католических нововведений среди кукушских болгар (Кукуш (греч. *Κιλκίς*) – небольшой провинциальный городок в Эгейской (Греческой) Македонии) обнаружилось стремление к отречению от единения с Католической Церковью. Сорок восемь из шестидесяти деревень вернулись в Православие.

При папе Льве XIII предпринимались попытки привлечь православных греков к воссоединению с Римом. По свидетельству А.И. Нелидова, одной из самых действенных мер в этом отношении явилось решение об основании в Константинополе высшего католического училища, куда принимались бы члены греческого духовенства. Заведение это должно соответствовать привычкам и преданиям православных и состоять под начальством духовенства Гротта Ферраты (Гроттаферратский монастырь), где сохранились греческая литургия, греческий язык, греческие обряды, церковные облачения восточного Православия [1, с. 199].

Прозелитизм усилился к началу патриаршества Анфима VII. Патриарх посетил посла Нелидова в августе 1895 года и «со слезами на глазах рассказывал свое горе и свои заботы». Особенно его смущала полная беспомощность Великой Церкви для борьбы «со столь сильным и ловким врагом как римская пропаганда. Она располагает миллионными денежными средствами и сонмом опытных борцов, тогда как Вселенская Церковь так бедна, что служащие при Патриархии более года не получали своего жалования». У Патриархии не было возможности послать в провинции, где появлялись католические или протестантские миссионеры, – православных проповедников для их обличения и предостережения прихожан. «От России

одной ждем мы помощи», – плакался Патриарх. «Не дайте нас в обиду, защитите нас во имя соединяющей нас веры, против которой вооружились общие наши враги» [1, с. 200].

В ноябре 1895 года на имя посла в Константинополе пришла записка из миссии в Афинах. Автор записки (грек И. Скальтцуни) изложил свой взгляд относительно того способа, которым Россия могла бы оказать действительную поддержку делу духовного образования, устройению общества «православных Востока» (Ανατολή ὀρθοδόξων) и удалению опасностей католического и протестантского прозелитизма. В записке много интересных суждений и замечаний. Причиной всех проблем была и остается турецкая деспотия, в течение четырех веков содействовавшая ослаблению чувства религиозного единства в эллинской народности (τῆς Ἑλληνικῆς ἐθνικότης). Греческие епископы стали скорее мирскими деятелями, нежели духовными отцами. Они были вынуждены прибегать к денежным подкупам для сохранения христиан от гражданских и военных турецких притеснений. Церковь, таким образом, становится под турецким владычеством учреждением для защиты христиан от турок. Теперь она имеет более гражданское значение, чем духовное [1, с. 200].

Из основанного на Халки богословского училища, а также из богословского факультета Афинского университета вышли проповедники и некоторые духовные лица, впоследствии занявшие архиерейские места. Низшее же духовенство осталось в прежнем своем жалком положении. Греческие проповедники, не находя достойного поприща их духовному званию, либо заняли места священников в греческих приходах Запада, либо учителей филологии, либо, замкнувшись в своем приходе, тратят время на добывание хлеба насущного. В таких условиях действовала западная пропаганда, направленная на распространение католичества.

Во-первых, вышла папская энциклика, призывающая к церковному единению всех на Востоке. В энциклике Папа обещает неприкосновенность и сохранение всех обычаев и обрядов Восточной Церкви.

Во-вторых, издаются газеты на греческом языке, отвергающие начала

Восточной Церкви и восхваляющие западное учение. В Греции такими газетами являются «Гармония» (Ἀρμονία) и «Анатоли» (Ἀνατολή) [1, с. 201].

В-третьих, основываются школы, куда принимают даром детей из православных семей. В Египте и некоторых епархиях Турции православным детям не разрешают праздновать их праздники. Прозелитизм происходит при изучении истории и при выборе книг, в которых подобраны факты, прославляющие лишь Западную Церковь. Других книг избегают.

В-четвертых, в Ватикане ввели практику подготовки для иереев и учителей греко-католиков, чтобы они служили в храмах проповедниками и наставниками в католических школах на Востоке. Уже многие католики носят одежду иереев Восточной Церкви, а в некоторых католических храмах совершается литургия Иоанна Златоуста по-гречески. Прозелитизм из греко-католиков явился новой чертой в католической пропаганде [1, с. 201].

Оказывать отпор западной пропаганде на Востоке через русское правительство было затруднительно по двум причинам. Первая причина заключалась в том, что среди русских духовных лиц мало кто знал греческий и прочие языки Востока. Вторая причина была обусловлена теми соображениями, что любое действие при посредстве русских вызывало подозрение, в нем видели политическую цель или политический заказ.

Для отпора западного прозелитизма необходимо было собрать три силы:

а) проповедников-богословов для объяснения народу различия Церквей.

б) школы, устроенные в тех епархиях, где уже существуют католики.

в) одну или две газеты, печатающиеся в Греции, против католического и протестантского влияний. Газеты следовало распространять тысячами по селам и деревням даром.

Укреплению православных на Востоке (τῆς Ὀρθοδοξίας εἰς τὴν Ἀνατολήν) поспособствовало бы посещение молодыми греками русских академий и училищ. Всякая мера русского правительства должна исполняться через посредство Патриархии. На базе Патриархии создается трехчленная комиссия из духовных лиц. Секретарь посольства исполнял бы решения комиссии,

служил бы посредником между комиссией и посольством. При затруднении решающим были бы мнения Патриарха и посла. «Если оставить Восток на произвол нынешних католического и протестантского прозелитизма, – говорится в записке, – то эти две религии напрягут свои силы и в скором времени приобретут неотразимую силу у всех восточных народов и восторжествуют везде» [1, с. 202].

Русский посол в Константинополе поддержал инициативу противодействия западному прозелитизму. Это желание посла было воспринято на Востоке и в России неоднозначно. Дипломатами высказывалось мнение, что Патриархия употребит субсидию на собственные нужды, а не на общественные. Некоторые наблюдатели считали, что католицизм априори терпит фиаско на православном Востоке потому, что слишком сильно сохранилось в Константинопольской церкви сознание противоположности латинству и связи всей народной жизни с Православием. Другие, наоборот, замечали, что мало-помалу чувство отчуждения от католицизма исчезает. Люди, внимательно относящиеся к нравственно-религиозной жизни Востока, замечали перемену в духовной жизни в последние два десятилетия позапрошлого столетия. Общественное внимание на Востоке переключилось вместо вопросов церковных на национальные вопросы и движения. Отвечая этому новому общественному течению, Лев XIII старался снять с римского католицизма его исключительно латинский отпечаток, столь ненавистный грекам.

Папа оказывал особое почтение всему христианскому культурному наследию греков, что конечно не могло «не льстить крайне развитому их самолюбию». Большое значение имел тот факт, что католицизм преподносился грекам в очень симпатичной для них французской окраске. «Французский язык является единственным средством в космополитическом восточном миру для успеха в деловой и общественной жизни и доставляет многочисленный контингент православных воспитанников школам католической пропаганды» [1, с. 203].

Большое значение имела католическая благотворительность. Благодаря самоотверженной деятельности сестер милосердия, много семейств богатых и бедных навсегда сохранили о них радостное и почтительное воспоминание. Многое зависело от настроения образованного высшего слоя населения, его исторически сложившихся чувств и представлений. При этом русские дипломаты обращали внимание на то, что «на Востоке простой народ гораздо ближе стоит к образованному классу, чем наш и гораздо охотнее за ним следует» [1, с. 203].

В АВПРИ нами также обработан и еще один крайне интересный документ. Эта записка Патриарха Константина V «О нуждах Вселенской Патриархии» (14 ноября 1899 года), представленная на воззрение российскому императору Николаю II. Патриарх высказывает опасение, что с внутренней стороны, «в Церкви является *дух нововведения*, противный святым канонам и церковным преданиям, разжигающий пламя споров и несогласий и смело поднявший знамя церковной революции». С внешней стороны действуют инославное заблуждение и сопротивление единению Церквей. «Мы видим, – пишет Константин V, – Церковь не могущую защитить не только святыя постановления и законы, но даже, что ужасно сказать, сохранить святую и непоколебимую нашу веру во Христа от грозящих ей серьезных и важных опасностей» [1, с. 204].

Опасность Патриарх видел, прежде всего, в католических и протестантских лагерях, которые «конкурируя друг с другом, стараются воздвигнуть над догматами православия знамя заблуждения». По замечанию Святейшего Константина, католики и протестанты изобилуют «силами, богатством и всякими другими средствами». Кроме того, патриарх делает и небольшой упрек России. «Почтенное и просвещенное правительство великой православной Империи и Святейший правительствующий синод сестры Церкви Всероссийской, не ожидают узнать от нас о деле, преследуемом на Востоке *иноверными*, ни о многочисленных и различных средствах, употребляемых ими, ни об относительных успехах их» [2, с. 204].

Русским консулам в Малой Азии и Македонии, Албании и Фракии, в Палестине и Сирии, на островах Эгейского архипелага сообщали о фактах деятельности католических и протестантских миссионеров, об открытии ими «великих и маленьких школ (μεγάλων καί μικρῶν Σχολῶν) в местах известных и неизвестных», об открытии церквей и всяких филантропических учреждений (φιλανθρωπισμῶν καταστημάτων), о прозелитизме (προσηλυτισμόν) через посредство книг (τόν διά βιβλίον), устной проповеди (προφορικῆς διδασχῆς) и торжественных литургий, об их изоощренной приманке для простых людей посредством золота, политического покровительства и разных других обещаний. Консулы докладывали о различных религиозных и образовательных учреждениях как в центре Константинополя, так и в отдаленных от него местностях. «Привлечено в прозелитизм значительное число малолетних и взрослых разными нечестными хитростями... Великое богатство противников и покровительство сильных Держав делают наше, – Константинопольской Патриархии, – бессильное противодействие напрасным, вследствие неимения средств, и увеличивают с каждым днем дело ниспровержения возвышенной крепости православия (την ὀρθοδοξίας ἀκρόπολιν)» [1, с. 205].

Католическому прозелитизму способствовало церковное разъединение двух крупнейших православных общин (греческой и болгарской) Константинопольского Патриархата, неизбежно враждебных друг другу. Интересен в связи с этим комментарий одного греческого публициста, работавшего на газету «Σιών»: «Нас пугают тем, что панславизм поглотит нас греков. А разве латинство, или, лучше сказать, папство метит на что либо меньшее? И оно тоже стремится поглотить эллинизм на Востоке, или сделать его слугою латинских интересов, и превратить Восточную Церковь в благочестивую поклонницу папских туфель... Известный догмат восточных христиан: предпочтительнее турецкая чалма, чем папская тиара, останется вечно неизменным...» [8, с. 24].

События церковной жизни двадцатого столетия показали, что «догмат» восточных христиан может легко поколебаться. В конечном итоге, как уже

показали события XX века, именно папская тиара в Константинопольской Церкви стала играть ведущую и чуть ли не решающую роль.

Список литературы:

1. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken, 2011.
2. Верюжский В. прот. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 12. С. 31-44.
3. Курганов Ф. Православный Собеседник. 1873. Т. 1.
4. Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.
5. Погодин А.Л. История Болгарии. СПб., 1910.
6. Соколов И.И. Константинопольская Церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1.
7. Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос. СПб., 1889.
8. Троицкий И.Е. Церковная сторона болгарского вопроса. СПб., 1888.
9. Шабатин И.Н. Константинопольская Патриархия и балканские славяне в 50-70 гг. XIX в. // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 6. С. 24-42.

Сведения об авторе:

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, эксперт Института динамического консерватизма (Москва, Россия).

Data about the author:

Venediktov Vadim Yurievich – Candidate of Historical Sciences, expert of the Institute of Dynamic Conservatism (Moscow, Russia).

E-mail: benedictus@list.ru.